

- 6 ЯНВ 1982

Нельзя театра не любить

Репортаж из-за кулис

За кулисами темно. Мы с реквизитором Наташей Карнауховой пристроились на какой-то скамеечке. Почти неслышным шепотом она комментирует происходящее на сцене.

— Сейчас проходка, а потом действие в квартире Филимонова. Он по образованию архитектор, но занимается самодеятельностью. Вот он лежит, как будто болеет. Сейчас к нему придет медсестра. А жена — в командировке...

Действие «Аморальной истории» развивается своим чередом. Герои уже закусывают, а Наташа переживает.

— Ой, темно. У нас новый электрик. Он еще плохо этот спектакль знает.

Почти в полной темноте, совершенно бесшумно электрик по каким-то своим делам поднимается по лестницам к потолку, что-то там меняет, поправляет и так же бесшумно спускается вниз. Пристался за кулисами. Свет — в норме.

Жена Филимонова будто бы вернулась из командировки и сейчас войдет в свою квартиру. На сцену. Крошечное пространство, где стоит она с чемоданом, это кухня, ванная, прихожая, — все, что должно быть в хорошей квартире. Тут на столике хозяйство Наташи. Поднос с «коньяком» и «португальским портвейном». На самом деле — обыкновенный чай. Даже без сахара.

— Один любит сладкий, другой — нет, решила вовсе без сахара делать.

В вазочку рядом с бутылками тертая морковка изображает красную икру.

В правой кулисе приготовила все необходимое Надежда Борисовна Романова, заведующая костюмерным цехом. Она комментирует спектакль по-своему:

— Когда они в лесу поговорят, медсестру быстро пе-

редеваем, и его жепя сразу собирается на концерт. Это с одной стороны сцены, а там, — кивает она на противоположную кулису, — Филимонов меняет костюм. Одновременно три быстрых переодевания.

В тот вечер Надежда Борисовна подменяла одевалицу. Основная же ее работа — днем.

— Хожу по магазинам, получаю ткани, обувь. Завтра в комиссионку пойду парчовое платье покупать. Будем его на отделку резать.

В. И. Никулина, зав. постановочной частью, задержалась допоздна в кабинете. Хотя здесь ее редко можно застать: рабочее место — от чердака до подвала. Подвал, представьте, любимый уголок Валентины Ивановны.

Здесь хранятся реквизит. Как говорят в театре, все, «что идет, отошедшее и то, что подбирается к новым спектаклям». Всюду разложены, развешены, расставлены вазы, кубки, самовары, корзины, ремни, чемоданы, сабли, подсвечники. Многие сделаны руками самой В. И. Никулиной.

Недавно подбирали реквизит для новых спектаклей. В предновогодние дни все цехи были заняты их подготовкой.

В бутафорском цехе елка — к новогоднему детскому спектаклю, изящная мебель и «бамбуковая» интара — для «Особого района». Художник Володя Косых колдует над каким-то орнаментом. Закаланного Чингис-хана он уже нарисовал, и тот сейчас сохнет. Наташа Реброва делает к тому же «Особому району» «китайского фарфора» вазу, зав. парикмахерским цехом Татьяна Гавриловна Крикуна — парики.

— Вот их сколько уже, — раскрывает она дверцы пла-

тиных шкафов: все полки вплотную уставлены париками. — Для новогоднего детского спектакля — негрятинские, для «Особого района» — китайские.

— Парикмахер с человеком может сделать что угодно: превратить в красавицу или изуродовать, но в прямом, конечно, смысле, дать ему чуб кудрявый или... лысину. Понятно, но по собственной прихоти — смотря какой образ, какую роль играет актер. Парикмахер — малая частичка театра, винтик, но своим искусством помогает творить актерам.

В пятнадцать лет пришла она в театр. Это было во время войны, в Уссурийске. Через шесть месяцев мастер уехала, и ученица начала работать самостоятельно. Давно у Татьяны Гавриловны свои ученики, «одна даже в Москве работает». Почти сорок лет каждый вечер у Крикуны — спектакль.

Мы говорим о прошлом, о работе, незаметно возвращаемся к сегодняшнему спектаклю. Перед Татьяной Гавриловной парик золотисторусого цвета.

— Она черпенькая, — имея в виду героиню, говорит Татьяна Гавриловна, — а потом «перекрасится», вот этот парик оденет, чтобы мужа удерживать, но он все равно уйдет...

Спектакль продолжается. Из зала видно только то, что должно быть видно: убранство квартиры, огни города за окном. На сцене все должно быть безупречно. Она беспощадно выставляет на показ недостатки и недоработки. Но и преображает неожиданно. Однажды, рассказали мне, в декорации повесили настоящий бархат. Но смотрите! Раскрасили обыкновенную мешковину — прекрасно получилось.

Вспомнилось, как перед началом спектакля старшему машинисту сцены Виктору Володину нужно было разгладить при помощи воды и пылесоса висевший уже сушеранавес из тюля.

— Да незаметно, — пытаясь открутиться Виктор.

— Из зала все очень заметно.

Виктор, видимо, занялся чем-то другим, уже пошла звонки, за ними — зрители, пылесос не включившись. Но он нашел выход — побрызгал, как на пересохшее белье водой, и занавес распрямился.

А сам Виктор весь спектакль провел на рабочем месте — за сценой. По ходу действия он что нужно поднимает, опускает, передвигает.

— Книжку жмешь, — смеется, когда я спрашиваю об автоматике, — спина в мыле. На веревках все.

Натянул на правую руку черную перчатку и убежал в темноту кулис: наступил конец спектакля. Занавес...

Наташа унесла «коньяк» и закуску, Надежда Борисовна развешала в шкафах костюмы, погасли огни в зале. Первыми встречали, а теперь провожают зрителей контролеры и гардеробщицы. Мария Ивановна Веляева, старший контролер, обычно стоит у правой двери, Елизавета Федоровна Плужник — у левой. Привычка, выработанная годами. Больше чем по тридцать лет обоюдали театру.

— Приходишь, будто домой, — мы идем с Елизаветой Федоровной по темному фойе. — Сколько раз все здесь перешили, перебелили, перестирали. Завтра «снег» будем делать, «дождик» к Новому году. Мы ведь не только билеты проверяем.

Уже прощаясь, с еле уловимой грустью, сказала:

— Ушла бы, наверное, давно, если бы театр не любила...

В тот вечер на сцене были заняты семь человек. За кулисами на спектакль работал весь штат театра: от шофера до гримера.

В. КОБЗАРЬ.
(Наш корр.).